

щами и предъ новымъ поколѣніемъ стихъ поэта
 „Смотри, какъ умираютъ люди.“
 и завѣщая своимъ братьямъ то-же служеніе
 единству мысли и дѣла, ту-же неумолимую
 борьбу съ общественнымъ зломъ, ту-же вѣчную
 месть своимъ палачамъ.

Дѣло, какъ нераздѣльное отъ живого убѣ-
 жденія, дѣло, какъ законченный результатъ зрѣ-
 лой и здоровой мысли, стало передъ нынѣшнимъ
 русскимъ развитымъ читателемъ Лермонтова,
 какъ самое существенное, какъ единственное
 характеристическое его завѣщаніе. Но это—дѣло,
 не оторванное отъ работы мысли; это—результатъ
 ея; и передъ русскимъ развитымъ человѣ-
 комъ нашей эпохи идеалы стараго и новаго
 времени возникаютъ не въ случайной спутан-
 ности, не въ тревожномъ противорѣчіи между
 „безплодной наукой“ и живымъ вѣрованіемъ,
 не въ видѣ „бремени познанія и сомнѣнія“, а
 какъ послѣдовательные фазисы исторической эво-
 люціи человѣческой мысли, каждый изъ которыхъ
 завѣщаетъ намъ духовными нашими предками; какъ
 обязанность историческаго дѣла, имѣющаго свое
 мѣсто въ эволюціи человѣчества и не отрица-
 ющаго другихъ, все расширяющихся идеаловъ.

Спросимъ же себя, не повторилъ ли бы
 поэтъ, оставившій міръ въ началѣ 40-ыхъ го-
 довъ, свое осужденіе окружающаго его поколѣнія,
 если бы онъ воскресъ среди насъ, если бы
 онъ взглянулъ въ людей, которые вымучили у
 другого поэта слова: «бывали хуже времена, но

не было подлѣй»? Что сказали бы онъ о поко-
 лѣніи, которое въ своихъ мыслителяхъ, считаю-
 щихся наиболѣе смѣлыми, въ присутствіи самыхъ
 реальныхъ задачъ, послѣ Герцена и Чернышев-
 скаго, послѣ эпохи Дарвина и Маркса, эпохи
 сравнительной мифологіи и всемірныхъ рабочихъ
 конгрессовъ, находить возможнымъ вернуться
 къ вопросамъ вѣрованій, какъ бы считая авто-
 ритетными слова книгъ, писанныхъ еще тогда,
 когда каждую минуту ожидали конца міра и въ
 облакахъ уже видѣли Новый Іерусалимъ? Какой
 «презрительный стихъ» бросилъ бы человѣкъ,
 требовавшій неумолимаго дѣла, воплощающаго
 столь же неумолимую мысль, на проповѣдни-
 ковъ «непротивленія злу» и на зараженныхъ
 почти повальной трусостью либеральныхъ преем-
 никовъ Бѣлинскаго и Герцена, «ничѣмъ не жерт-
 вующихъ ни злобѣ, ни любви», не способныхъ
 даже энергически поддержать дѣйствительныхъ
 самоотверженныхъ борцовъ за грозное дѣло въ
 пользу народа? Какъ отнесся бы онъ къ тѣмъ
 современнымъ дѣятелямъ, которые когда-то сто-
 яли въ первыхъ рядахъ русскихъ социалистовъ,
 можетъ быть и теперь сохранили въ глубинѣ
 души социалистическія убѣжденія, вызванныя въ
 нихъ русскимъ движеніемъ послѣдняго времени,
 но которые въ картинѣ этого движенія тщательно
 прячутъ отъ глазъ европейской публики его со-
 циалистическій элементъ, пытаясь отрицать для
 своего отечества тѣ самыя общественныя побу-
 жденія, которыя составляютъ теперь единствен-